

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Приглашение к размышлению

О ФИЛОСОФСКОМ БЛОКБАСТЕРЕ В. КУТЫРЕВА «БЫТИЕ ИЛИ НИЧТО»

В.А. Кутырев. Бытие или Ничто. – СПб.: Алетейя, 2010. – 496 с. –
(серия «Тела мысли»)

В.А. БЕЛЯЕВ

1

Представим себе, что мы создаем киноблокбастер, в котором герой спасает мир. В этом фильме мы должны будем иметь как минимум одного героя (того, кто будет спасать мир) и как минимум одного антигероя (того, кто будет нести опасность для мира). Антигерои могут существовать в разных вариантах. Они, например, могут пытаться уничтожить мир. Этот вариант отрабатывается, скажем, в сюжетах фантастических фильмов, где Земля подвергается нападению агрессивных существ из космоса. Но я в своих рассуждениях буду исходить из варианта сценария, в котором антигерой – человек.

Особо важен для нас герой. Он выступает как минимум в двух фундаментальных ипостасях – того, кто спасает мир, и того, кто представляет мир, который спасают. По его действиям, по его поступкам зритель сознательно или бессознательно будет судить о том, стоит ли спасать тот мир, который он представляет. В этом смысле герою ни в коем случае не подходит девиз «цель оправдывает средства», ведь может оказаться так, что зритель, видя, какими средствами пользуется наш герой, придет к выводу, что такой мир спасать не стоило. Поэтому очень важно, чтобы наш положительный герой, спасая мир, был разборчивым в средствах и, разделяваясь со своими врагами, воздавал каждому точно по заслугам. Чем точнее он будет это делать, тем больше позитивных «очков» наберет мир, который подлежит спасению. Именно поэтому так важно, чтобы герой с человеческой точки зрения понравился зрителю. Эстетически, этически, как-то по-другому – все это войдет в позитивные определения спасаемого мира.

Однако для нас важен и характер антигероя, его человеческие качества, как и почему он будет разрушать мир или способствовать его разрушению. И здесь есть свои градации – от чистого воплощения зла до человека, которого обстоятельства сделали тем, кто ненавидит человечество или просто равнодушен к нему (и поэтому, например, продает террористам смертельно опасное для всего человечества секретное

оружие). Здесь будет действовать обратный эффект. Чем человечнее окажется антигерой, чем более благородной будет его борьба с героем, тем более проблематичной предстанет перед зрителем ценность мира, который спасают. Если интересные, достаточно благородных людей мир превращает в своих врагов, то какова цена этому миру?

Стало быть, сценарист должен найти баланс между степенью привлекательности героя и антигероя, степенью их разборчивости в средствах при достижении своих целей и мотивами, по которым действуют тот и другой.

2

Все сказанное можно в полной мере отнести и к вариантам «спасения мира», которые реализуются в теоретических блокбастерах, в основном к философским сочинениям. Ведь именно в них авторы, как правило, реализуют проекты спасения мира. В качестве героя выступает автор со своей позицией. В роли антигероя или антигероев выступают тот или те, кто стремится погубить мир. Это могут быть одушевленные или неодушевленные персонажи. Конкретные люди или безличные реальности.

В киноблокбастерах мир оказывается поставленным под угрозу со стороны смертельного вируса, глобального природного или техногенного катаклизма, террористов с оружием массового поражения в руках, инопланетян и т.п. Герою предстоит уничтожить вирус, предотвратить катаклизм, победить террористов или инопланетян.

В философских блокбастерах мир заражен какими-то неверными представлениями, вовлечен в какие-то глобальные деструктивные процессы, которые ведут его к гибельному краю. Мир обречен на гибель, если не осознает свою зараженность и вовлеченность, если не сумеет вовремя остановиться и направить себя в другое русло. Герою (автору) предстоит показать и зараженность неверными представлениями, и вовлеченность в деструктивные процессы, и предложить меры для позитивного варианта развития событий.

В анализируемой книге, само название которой похоже на название киноблокбастера, — «Бытие или ничто» — есть все названные признаки. С точки зрения автора мир стоит на краю гибели. Мир вовлечен в рационалистически-техногенную формацию, которая отчасти уже стала автономной реальностью, отчасти продолжает ею становиться. Эта формация представляет собой выражение «искусственного», которое, являясь одним из ракурсов человеческой природы, отделилось от него, стало развиваться как автономная реальность, поглощая человека, убивая в нем естественное и превращая его в элемент технореальности. Микро- и мегамиры, куда стремятся проникнуть научность и техногенность, приходят на Землю, принося с собой нечеловекообразное бытие.

В качестве альтернативы автор предлагает «великий консервативный поворот всей философии». «Зову живых — так может звучать девиз консервативной, археоавангардной, полионтической, акмеологической, феноменологической, реалистической философии перед фактом экс-

пансии технически перерожденных форм транс(пост)модернистского сознания».

Здесь небезынтересно следующее размышление. Почему автор пошел по пути, который можно назвать «земным консерватизмом»? Ведь вызов глобализации, рационализации, технизации, информатизации – и созданию во всем этом разного рода человеческих качеств – это вызов, на который можно отвечать разными способами. В том числе совсем традиционными, например, такими, какими на него отвечали и отвечают мировые религии, тем более, что они уже более двух тысяч лет (если начинать с возникновения буддизма) занимаются спасением мира. Чем их способы спасения мира не устраивают автора книги? Они гораздо более радикальны и консервативны, чем его способ. На этот вопрос он не дает специального ответа. Хотя должен был бы дать. Вообще его отношение к религии довольно странное. С одной стороны, по всему тексту книги то и дело появляются опорные ссылки на разного рода священные писания, слово «Бог» пишется с большой буквы. И, тем не менее, его консервативный проект скорее земной, чем небесный. В Заклчении он говорит о новой философии как символически-теоретическом позитиве. Не о новой религии, не о новой теологии. Он производит отбор философов, чьи позиции с его точки зрения могут стать основой нового проекта. Хотелось бы четко услышать от автора ответ на вопрос: почему именно философов, а не кого-то еще?

Откуда такая вера в силу философии? По его книге скорее возникает впечатление, что техногенность, преобразование мира вокруг – это древнейшая ипостась человека, проявлявшая себя в полную силу еще в доисторические времена. Недаром автор называет современное состояние второй неолитической революцией. Но если силы техногенности так глубоки в человеческой природе, если они способны проявлять себя так безлично, способны автономизироваться и поглощать человека, то как этой гигантской силе могут противостоять философы? Этот вопрос автор не ставит. А его как раз нужно было бы поставить. Опора на философию в консервативном проекте требует серьезного и подробного обоснования. Иначе возникает ощущение создания еще одной утопии. Появятся консервативные философы – и то, что было безличной, глобальной, автономной, поглощающей человека технореальностью, рассеется?

Без обоснования силы философии против силы техногенности проект автора книги невозможно рассматривать всерьез.

3.

Характерный признак блокбастера – резкая контрастность. Есть «хорошие» и есть «плохие». В пределе: «герои» и «злодеи». «Хорошим» по сценарию предназначено совершать преимущественно (или только) хорошие поступки. «Плохим» – преимущественно плохие.

В анализируемой книге налицо подобная ситуация. И сама современная технореальность и те силы, которые ее поддерживали и поддерживают – практически не имеют положительного содержания.

Автор не предлагает вернуться к «первобытному» состоянию. Скорее он предлагает по ходу рассуждений решения, которые можно метафорически назвать «средними арифметическими» между «естественным» и «искусственным» в каждом конкретном случае, относительно какой-то конкретной области. Но это с моей точки зрения не решает проблемы. Мало символически уничтожить врага, нужно показать его правду. Для современных блокбастеров это во всяком случае верно. Современный блокбастер тем интересней и драматичней, чем больше жизненной правды у отрицательного героя. Когда отрицательный герой представляет собой чистого «Доктора Зло» — это неинтересно, чувствуется упрощение жизни, деление на черных и белых, исчезают оттенки.

Тем более это верно в отношении концептуализации реальных сил, действующих в природе и человеческой жизни. Конечно, можно попытаться просто расправиться с ними символическим способом, написав, например, книгу. Но это будет только виртуальная расправа. На «отрицательную» реальность в жизни это, скорее всего, не окажет никакого воздействия. Будет еще одна утопия. Многие философы вообще не претендуют на изменение реальности вокруг себя. Такой путь понятен. Их символическая борьба со своими врагами является их внутренней символической борьбой, наведением порядка в собственном сознании. Это то, что называют эзотерическим путем. Но если философ идет эзотерическим путем и хочет изменить реальность вокруг себя (как К. Маркс: все предшествующие философы объясняли мир, а наша задача — его изменить), то нужно выяснить логику процессов, происходящих в том мире, который хочешь изменить. В сущности, это и означает признать «правду» этих процессов. Признаваемая правда не будет при этом абсолютной (иначе зачем менять мир), но она превратит работу по изменению мира вокруг из виртуальной в реальную. В таком признании «правды» за природной реальностью можно видеть силу естествознания. На основе естествознания современная цивилизация изменяет мир — значит, не признает его «абсолютной правдой». Но она не смогла бы этого делать, если бы не признавала за ним никакой «правды», как это делало ортодоксальное средневековое христианство. Оно отрицало земной мир, его «правду», видело в нем только воплощение греха — и тем самым стратегически закрывало для себя возможность влиять на него. Хорошо это было или плохо — ответ на этот вопрос зависит от мировоззрения отвечающего. Ясно одно: если хочешь изменить мир вокруг себя — признай его «правду», изучи законы его функционирования — тогда будут шансы его изменить.

В анализируемой книге, в этом отношении, есть явное противоречие. Автор предлагает не эзотерический, а экзотерический путь. Одновременно он не выявляет «правду» той реальности, которую отрицает, которую предлагает перестроить. Технореальность предстает как некая практически иррациональная, внечеловеческая формация, которая непонятно как и зачем возникла. Точнее, она предстает в виде трансисторической реальности, не связанной с логикой развития европейской культуры (которая, собственно, и является генетическим местом современной техно-

генности). Представленная таким способом техногенность практически неотразима. Что можно противопоставить такому «демоническому» процессу? «Средние арифметические» решения, которые автор расставляет по ходу изложения материала? Консервативную стратегию философии? Все это выглядит откровенно беспомощным. Читая книгу, даже не понимаешь, откуда взялась такая глобальная напасть на человечество? А тем более не веришь в действенность предлагаемых решений.

С точки зрения ортодоксальной христианской метафизики понятно, что продолжается процесс глобальной секуляризации (отпадения человека от Бога). Но с этой точки зрения и не надо отвечать на вопрос: почему происходит отпадение. Решение судеб мира все равно находится в руках Бога, а не человека. Что бы человек ни делал, все равно настанут «последние времена» (возможно, они уже настали), будет Страшный Суд, посмертное воздаяние каждому по его вере и делам. В это можно верить или нет. Но здесь все логично. Если судьбы мира решает Бог, то человеку не надо исследовать логику человеческой истории. Просто незачем.

Но если судьба мира находится в руках человека (а в это предлагает верить автор книги), то без исследования логики истории вообще и логики новоевропейской культуры в частности, не обойтись. Иначе это похоже на попытку справиться с эпидемией чумы путем осознания себя здоровыми. Если чума — это внутреннее состояние человека, которое можно исправить «психотерапевтическим» путем, то решение, возможно, адекватно. А если чума — это вирусное заболевание — то, очевидно, требуется другое решение. В Средние века с чумой именно так и боролись — молитвой, обращением к праведности (ведь болезни насылались Богом на человека за его грехи).

Позиция автора книги в целом не выглядит религиозной (несмотря на регулярные обращения к религиозным текстам и авторитетам). Автор предлагает спасти земного человека в земной реальности. Этому противоречит нежелание искать «правду» технореальности, ее положительный смысл, достоинства, продолжением которых являются ее недостатки. Автор не выходит на позицию, которую можно было бы считать позицией гуманитарной научности — стремление найти интересубъективное пространство для коммуникации с теми реальностями, которые он анализирует и критикует.

В итоге позиция автора и не религиозная, и не научная, а философская в том смысле, в каком каждый человек может принимать на себя какие-то жизненные вызовы и, отвечая на них, создавать символические системы, возможно, предназначенные только для себя. В своем собственном символическом мире можно легко победить кого угодно и как угодно. Но какое все это будет иметь значение для того и тех, кто находится за пределами его символического мира, — это вопрос.

Для кого написана книга? Этот вопрос вполне законен. С одной стороны ясно, что ее смогут прочитать только профессиональные филосо-

фы. И ее будут читать (если будут) только профессиональные философы. Популярным жанр этой книги не назовешь.

Антигероями в этой книге являются следующие персонажи. В личном залоге — машиноподобная реальность техники и технологии, которая становится или уже стала автономной и строит человека «под себя». В личном залоге все те, кто активно пропагандирует рационализм и техногенность. Автор книги недостаточно ясно описывает этих людей. Но по контексту книги среди современников к нему относятся преимущественно ученые и инженеры, а не философы или, например, богословы.

Возникает достаточно хорошо просматриваемое противоречие. Книга написана так, что ее не только не будут, но просто не смогут прочитать те, кого она критикует. Философы, которые ее смогут прочитать, в основной своей массе поддержали бы критический пафос автора книги. Но для них ее содержание не является информацией. Информацией для них могла бы быть тщательная разработка, анализ объектов критики.

Казалось бы, анализ есть. Размер книги огромный — почти 500 страниц. Но это анализ определенного, специфического рода, про который (если выразаться совсем кратко) можно сказать, что он не предназначен для полемики или дальнейшей разработки (что практически одно и то же). Ведь эта книга не священное писание. Если соглашаться с какими-то ее отрицательными или положительными тезисами, то это придется делать с оговорками, проводя критический анализ позиции автора. Если в целом отрицательно относиться к его позиции, то тоже хочется сделать это предельно аргументировано, «по пунктам». А это как раз сделать невозможно. Содержание книги местами напоминает книги пророков, которые выражаются метафорическим языком (вообще автор достаточно заряжен пророческим пафосом). Те места книги, где проводится анализ позиций и ситуаций, производят впечатление экспрессионистического коллажа. Автор затрагивает множество имен, но никогда не делает аналитических разработок позиций. В результате возникает ощущение многословного потока обоснования в общем-то простой позиции. Примерно после первой части книга перестает информировать. Создается впечатление, что дальше будет, в сущности, то же самое, но немного скорректированное на другие проблематические области. Хочется сразу перейти к заключению с надеждой, что там можно будет найти сжатое изложение позиции автора, без лишних рассуждений. Я назвал рассуждения, т.е. текст книги, лишним, имея в виду именно неопределенность вопроса о том, кому и что делать с этими рассуждениями. Читать их как роман, наслаждаясь текстом, невозможно. Читать как части теоремы, где каждый шаг имеет свое значение и не может быть опущен, — тоже невозможно. Когда понимаешь основное направление мыслей автора (а это происходит уже в первой части), читать дальше уже не хочется. Понимаешь, что стратегически нового уже не будет, а все тактическое настолько проблематично в своих построениях, что оно не даст ничего нового стратегическому плану, что это список битв, которые автор ведет

на своем внутреннем символическом фронте со своими внутренними противниками. Честное слово, уже одно это работает против стратегии автора, направленной против рационализма. Возникает мысль, что если это и есть символический прообраз того состояния, в которое должно войти человечество уходя от рационализма, то хочется поднять свою руку «против» позиции автора.

Это как раз о том, как должен себя вести герой блокбастера, спасающий мир. В сущности, никто из зрителей не против того, чтобы мир спасали. Но представим себе, что герой при этом будет делать сомнительные вещи, причем не эпизодически, а постоянно, не очень-то объясняя, что и зачем он делает. У зрителей возникнет мысль о том, что может быть этому герою не стоит доверять спасение мира, а то в результате спасения останется огромная груда сомнительных вещей, которые он попутно наделал.

От книги остается именно такое ощущение. Многие поддержат пафос автора о необходимости спасать мир. Многие, наверное, поддержат и стратегию консерватизма, которую автор предлагает в качестве позитива. Но все это можно изложить на одной странице. То же, что изложено на остальных почти 500 страницах, я думаю, мало кто поддержит. Сказано много, но все сомнительно. И то, что сказано, и то, как сказано. И главное, невозможно рационально критиковать изложенное. Можно только противопоставить сказанному другое сказанное. Но для этого опять-таки не нужно читать и вчитываться в книгу. Когда одной позиции противопоставляют другую позицию «в лоб» — не анализируют аргументы друг друга. Для кого же тогда предназначены 500 страниц? Для самого автора? Это его внутренний разговор? Приходится сделать именно такой вывод.